

УДК 947:323

А.Н. Мичурин

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВЫХ ГРУПП
В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1915 ГОДА**

A.N. Michurin

**ACTIVITY OF THE RIGHT GROUPS IN THE STATE COUNCIL
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CONDITIONS OF POLITICAL CRISIS OF 1915**

Аннотация

В статье показано развитие политической борьбы в Государственном совете в годы Первой мировой войны. Выявляются неизвестные ранее особенности организационной работы правых во время общественно-политического кризиса 1915 года, причины столкновения их с Прогрессивным блоком, степень влияния различных политических групп на работу Государственного совета.

Ключевые слова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ, ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК, ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Abstract

In article development of political struggle in the State Council in the years of World War I is shown. Unknown before feature of organizational work right come to light during political crisis of 1915, their collision with the Progressive block, extent of influence of various political groups for work of the State Council.

Keywords

STATE COUNCIL, PROGRESSIVE BLOCK, POLITICAL CRISIS, FIRST WORLD WAR.

Вопрос о правых силах в Государственной думе и Государственном совете и их влиянии на российское правительство накануне Февральской революции до сих пор является дискуссионным в отечественной и зарубежной историографии. В исследовательских работах встречаются полярные оценки сил правого общественного лагеря в годы Первой мировой войны. В некоторых работах имеются фактические ошибки относительно численности правых сил в Государственном совете, приводятся неверные цифровые данные об оппозиционном Прогрессивном блоке, формальная численность списочного состава групп подменяется реальным участием в политической

борьбе вполне конкретных людей, описание поступков которых к тому же весьма отлично от описания их в мемуарной литературе. Следует отметить, что история Государственного совета является наименее изученной страницей истории российского парламентаризма, поэтому при рассмотрении кризиса российской политической системы накануне Февральской революции, особенно во время политического кризиса 1915 года, который привел к обрушению всей «третьеиюньской» политической системы в России, ей необходимо уделить особое внимание.

Цель нашего исследования – выявить реальное соотношение правых и оппозиционных

сил в верхней палате российского парламента и определить, как образование Прогрессивного блока повлияло на усилия правых. Преувеличенные данные о сплоченности правых также требуют корректировки, это позволит выявить реальную численность так называемого «черного блока» в Государственном совете.

Политическая обстановка в первый год Первой мировой войны в верхней палате российского парламента была довольно сложной. Правые группы постепенно теряли политическое влияние, связанное с их безусловным преобладанием в Государственном совете до 1915 года. К началу XI сессии в правой группе Государственного совета было 27 избранных членов: 8 — от губернских земских собраний, 2 — от съездов землевладельцев, 11 — от дворянских обществ, 6 — от духовенства. Остальные 40 человек были членами по назначению. Правый центр состоял преимущественно из членов Государственного совета по выборам. Из 15 членов группы правого центра 8 были выборными: 4 — от губернских земских собраний, 1 — от съездов землевладельцев, 3 — от дворянских обществ. Таким образом, две правые группы в сумме дают 35 выборных членов верхней палаты, при этом от дворянских обществ к ним примкнуло всего 14 членов. Значительное число выборных членов (38 человек) вошло в группу центра: 12 — от губернских земских собраний, 6 — от съездов землевладельцев, 6 — от землевладельцев губерний Царства Польского, 3 — от дворянских обществ, 11 — от торговли и промышленности¹. Остальные 26 человек были членами Государственного совета по назначению.

Выборными от губернских земских собраний или от съездов землевладельцев фактически могли стать только крупные землевладельцы — дворяне. Можно сказать, что к началу XI сессии 19 июля 1915 года в Государственном совете было только 29 выборных дворян-землевладельцев, примыкавших к правым или правому центру. Остальные группы насчитывали 46 выборных представителей дворян [2, л. 66 об.—67]. Поэтому говорить о том, что дворянство являлось тормозом или усиливало правые группы, не представляется возможным. Дворянские общества выдвигали из своей среды преимущественно правых членов, но следу-

ет учесть тот факт, что стойкостью убеждений представители этой группы выборных членов не отличались. Так, в сложное для правых время (в конце августа 1915 года) В.И. Карпов и князь А.М. Эристов вышли из состава правой группы [3], хотя и были избраны от дворянских обществ. Поэтому даже численное соотношение не дает точного представления о влиянии тех или иных групп Государственного совета на принятие политических решений. Можно только констатировать, что правая группа, даже при соединении с правым центром, не обладала большинством голосов для проведения необходимых решений. Из 196 голосов членов Государственного совета им принадлежало только 80.

Правые не обладали ни единством, ни стойкостью в отстаивании своих же решений, не могли они объединить все близкие им по духу и консервативные силы. Князь Б.А. Васильчиков писал о времени, предшествовавшем описываемым событиям: «Я всегда считал себя консерватором, но никогда не мог ассимилироваться с группой правых в Государственном совете и их пониманием консерватизма. Эта группа по преимуществу состояла из государственных сановников, и их политическая ориентация сказывалась гораздо более в приверженности к известным формам, нежели к принципам. Это был специфически „казенный консерватизм“, бывший порождением того государственного уклада, который традиционно назывался самодержавием, но который за период царствования Николая II значительно потерял истинный характер того режима, коего он носил наименование. Непосредственное влияние воли государя, его инициатива утратились в государственной жизни и сменились автоматическим функционированием правительственного аппарата, претворявшего всякую инициативу, вне его зародившуюся, и действовавшего в этом направлении настолько совершенно, что в столкновении с ним государь бывал бессильен. Современники помнят несколько случаев такого политического поражения государя его собственным правительством» [4]. Вместе с тем лидеры правых в парламенте считали Прогрессивный блок ответственным за подготовку к Февральской революции и вообще политической борьбе в парламенте придавали в своих мемуарах слишком большое значение. На-

¹ Подсчитано по: 1, л. 3 об.—4.

пример, Н.Е. Марков писал, что главную роль в падении монархии сыграл Прогрессивный блок [5, с. 163].

Предположения о том, что в руководстве страной к началу лета 1915 года возобладали иные, более умеренные политические течения, подтвердились после отставки 5 июня 1915 года Н.А. Маклакова и последовавших затем отставок В.А. Сухомлинова, И.Г. Щегловитова и В.К. Саблера. За эти отставки ратовала группа министров (А.В. Кривошеин, П.А. Харитонов, П.Л. Барк, П.Н. Игнатъев), пытавшаяся через И.Л. Горемыкина добиться отставки правых министров. Поэтому Н.А. Маклаков не без сарказма писал И.Г. Щегловитову 10 июля 1915 года: «Вспоминаю афоризм Шопенгауера часто: „Чем больше я узнаю людей, тем более люблю собак”. Перефразирую: чем больше я узнаю русское правительство, тем более мне интересен мой скотный двор» [6, с. 113]. Маклаков надеялся на то, что Щегловитов будет с ним в одной группе Государственного совета. Это особенно важно было выяснить накануне открытия заседаний верхней палаты. Политические пристрастия членов правительства можно выяснить, так как часть из них состояла членами Государственного совета. Из отправленных в отставку И.Г. Щегловитова, Н.А. Маклакова, В.К. Саблера и В.А. Сухомлинова первые трое оказались в правой группе Государственного совета, а В.А. Сухомлинов – среди внепартийных. Из состава кабинета министров, окончательно определенного 13 июня 1915 года в Ставке, И.Л. Горемыкин, И.К. Григорович, А.В. Кривошеин, А.А. Поливанов, С.В. Рухлов, С.Д. Сазонов, А.Д. Самарин, В.Б. Фредерикс, П.А. Харитонов, А.А. Хвостов входили в состав Государственного совета к 19 августа 1915 года [7, л. 2–4 об.]. После произошедших изменений в Государственном совете и новых назначений в правительство к ноябрю 1916 года Сазонов и Поливанов вошли в кружок внепартийного объединения, что давало им определенную свободу при голосовании, Кривошеин и Рухлов – в группу правого центра. Самарин оказался в группе правых, как Хвостов и Горемыкин [1, л. 45–46]. Граф В.Б. Фредерикс и И.К. Григорович остались на своих постах, а П.Л. Барк был включен в число присутствующих членов Государственного совета на 1916 год. Таким образом, «либеральная группа» министров после

своего распада даже не смогла выработать определенных политических пристрастий, которые объединили бы их в одной группе Государственного совета.

Другим важным событием для Государственного совета стало назначение 15 июля 1915 года А.Н. Куломзина председателем Государственного совета. А.А. Поливанов объяснял назначение Куломзина именно новыми веяниями, связанными с переменами в Совете министров, но, «дабы не раздражать крайне правых, усмотревших бы в назначении И.Я. Голубева государственную опасность, решено было выставить кандидатуру А.Н. Куломзина... искусно примирявшего в себе готовность к политическому прогрессу с приемами придворной куртуазии» [8, с. 168–169]. А.Н. Наумов характеризовал Куломзина как склонного к «упрочению в стране конституционализма» [9, с. 298], а его деловым качествам давал крайне низкую оценку, отдавая дань умению покойного М.Г. Акимова вести заседания Государственного совета. Против назначения более умеренной кандидатуры на пост председателя верхней палаты, например В.Н. Коковцова, входившего в кружок внепартийного объединения, выступали правые [10, с. 332].

Поэтому назначение нейтрального А.Н. Куломзина, близко знакомого Николаю II по работе в качестве председателя Комитета по постройке Сибирской железной дороги и в должности председателя Романовского комитета, с одной стороны, создавало у правых ощущение назначения на важнейшую должность своего представителя от группы правого центра, а с другой – показывало повое направление кадровой политики, так как на эту должность мог быть назначен и последовательно правый А.Г. Булыгин и неприемлемый для левых И.Г. Щегловитов.

В Государственном совете летняя сессия открылась в условиях координации усилий всех без исключения групп по принятию целого пакета законов, находящихся на рассмотрении в верхней палате. В такой обстановке отдельные заявления «ортодоксальных» правых, охранявших не только правительство, но и свою группу от посягательств со стороны «прогрессивных групп» в Государственном совете, приводили к обратным результатам. 19 июля 1915 года в заседании верхней палаты выступил лидер правых П.Н. Дурново. Его речь была призывом

отказаться от заигрывания с общественностью и вернуться к твердой власти: «Страх главным образом опасен потому, что он сам себя воспитывает и сам себе создает признаки, чтобы их бояться. И вот почему правительство обязано воспитывать в этом духе не только народ, но и все без исключения учреждения, из народа исходящие, а также и своих собственных представителей» [11, л. 12 об.].

Хотя речь лидера правой группы звучала как заявление от всех правых, правые поспешили откеститься от этого заявления, чувствуя, что речь П.Н. Дурново будет диссонансом в дружном хоре заявлений других групп Государственного совета и приглашений председателя Совета министров И.Л. Горемыкина к дружной совместной работе. А.А. Иванов правильно подмечает: «Первые шаги правых в полемике с лидерами Прогрессивного блока были сдержанными и политически корректными. Поэтому неверно расхожее мнение, что правые сразу же подняли знамя раздора и бескомпромиссной борьбы с блоком» [12, с. 68]. Правильнее сказать, что знамя борьбы поднял только лидер правых в Государственном совете П.Н. Дурново, после чего не получил существенной поддержки от своих товарищей по правому лагерю. Примечательно, что в Государственном совете П.Н. Дурново пользовался уважением даже у людей, далеких от него по политическим взглядам [13, с. 295].

Постепенно в Государственной думе стали распространяться слухи об организации внутрипарламентского объединения среди правых. А.А. Иванов пишет о том, что информация о «черном блоке» появилась 12 августа 1915 года: «Газета „Утро России“ сообщала, что на квартире одного из лидеров правых, П.Н. Дурново, состоялись три заседания, на которых присутствовали представители от правых фракций Государственного совета и Государственной думы. На этих совещаниях якобы обсуждались вопросы: о единении всех консервативных сил, создании правого кабинета во главе с И.Г. Щегловитовым и всемирной борьбе с Прогрессивным блоком» [12, с. 70]. Не совсем верно то, что сначала появились материалы о «черном блоке», а потом уже сам Прогрессивный блок. «Утро России» вброс информации сделало 12 августа, а Прогрессивный блок начал свою реальную организационную деятельность еще в начале августа 1915 года. Неверна также дата первого

упоминания о «черном блоке». Кадетская «Речь» писала о блоке правых еще раньше — 11 августа 1915 года. Однако еще 10 августа 1915 года С. Зарудный писал П.А. Кемпе по поводу этих слухов: «Думу собираются распустить. Думцы говорят, что это заговор правых Госсовета и Думы, или черного блока. В председатели Совета проводится будто бы И.Г. Щегловитов; увольнение кабинета И.Л. Горемыкина, твердая власть и управление без Думы до победоносного окончания войны, а там... победителей не судят» [14, л. 630]. Представители правого центра и правых в Государственном совете отрицали какое-либо свое участие в «черном блоке», указывая на краткость парламентской сессии. Представители группы центра также не придавали существенного значения появившимся в газетах сведениям о «черном блоке». Большинство правой группы, как отмечала «Речь» 11 августа 1915 года, особенно представители земств и дворянских обществ, негативно отнеслись к речи П.Н. Дурново, произнесенной им 19 июля в Государственном совете. Поэтому кадетский печатный орган считал, что в таких условиях возможны лишь в отдельных случаях комбинированные действия правых с «нейдгартцами», что нередко бывало и в предыдущие сессии.

На этом фоне происходил и раскол среди думских националистов. А. Савенко 10 августа писал: «...балашевцы устроили тесный блок (почти слияние) с гг. Дурново, Марковым П. и К°. Я, разумеется, протестую. Большинство во фракции меня поддерживает, но когда доходит до дела, то все молчат и уклоняются» [Там же. Л. 632]. С.И. Шидловский считал, что раскол во фракции националистов произошел «исключительно из-за разногласия на почве лидерства» [15, с. 213]. Того же мнения придерживался и входивший во фракцию националистов А.А. Ознобишин, который зачинщиками этого раскола считал своих бывших «софракционеров — членов Думы Василия Виталиевича Шульгина и графа Владимира Алексеевича Бобринского» [16, с. 219]. Несмотря на то что на состоявшемся 11 августа собрании нейдгартцев А.Б. Нейдгарт продолжал утверждать, что слухи о существовании блока между правыми обеих палат не имеют реального основания, раскол во фракции националистов стал неизбежен, что и привело к выходу примерно 30 депутатов из ее рядов.

В то время, как в парламенте образовывался Прогрессивный блок, правая группа Государственного совета также переживала нелучшие времена. Она находилась на грани прямого распада. Князь В.М. Урусов писал 14 августа 1915 года своему сотоварищу по правой группе Н.П. Урусову в Ровно: «В правой группе идет брожение, многие члены вышли из ее состава — Зубчанинов, Наумов, многие собираются выйти, в том числе и я... В председатели Совета намечается граф Бобринский. Быть может, он сумеет оживить группу и вывести ее из старческого маразма, в который она впала, но я думаю, что развал группы неминуем и что со вступлением в Госсовет новых членов произойдут большие перемены в группировках» [14, л. 672]. К 22 августа 1915 года из состава правой группы вышли С.И. Зубчанинов, В.И. Карпов, Н.И. Клунников, Я.Н. Офросимов, князь А.М. Эристов. Эти лица пересели в правый центр. А.Н. Наумов отмежевался от правого крыла и пересел к беспартийным. А.Г. Булыгин снял свое имя из списка правых и вошел в правительственную группу, образуемую из министров, членов Государственного совета [1, л. 15–16; 17]. Распад группы правых продолжался и после этого. Избранный ее председателем А.А. Бобринский в интервью газете «Утро России» договорился до того, что открыто признал возможность ответственного министерства. Это возмутило «ортодоксальных» правых и вызвало публичную полемику между членами правой группы. Вышедший из правой группы А.Н. Лобанов-Ростовский с возмущением писал в своем заявлении: «Я увидел, что неизбежно дальнейшее движение группы в различные „политические дебри“. Так как это противоречит моим убеждениям, то я выхожу из этой группы „далеко не правой“» [18]. П.П. Кобылинскому, оставшемуся в правой группе, пришлось оправдываться, указывая на духовную близость с вышедшими членами [19, л. 23], а В.И. Карпов, ушедший к нейдгартовцам, напротив, подчеркивал полный разрыв со своими прежними единомышленниками [20]. В тот момент правые даже считали, что Прогрессивный блок хоть и не годен, но может правительству понять, что заигрывать с левыми нельзя.

В Государственном совете происходили процессы, показывавшие полную перегруппировку политических сил. Вместе с тем вы-

кристаллизовывались группы именно по политическим пристрастиям и отношению к Прогрессивному блоку. В правой группе продолжались разброд и шатание. В связи с уходом некоторых членов Государственного совета, избранных от губернских земских собраний, из правой группы в верхней палате заговорили о возможности образования внепартийной земской группы. 25 августа 1915 года «Утро России» опубликовало большую статью о беседе с новым лидером правых в Государственном совете — графом А.А. Бобринским, который сетовал на раскол в правой группе и высказывался за сотрудничество с Государственной думой, т. е. Прогрессивным блоком. При этом Бобринский высказался за «приемлемость ответственного министерства и заявил, что по многим вопросам между ним и Милюковым нет разномыслия» [21]. 28 августа А.А. Бобринский посетил Таврический дворец во время заседания Думы, где «около часу вел переговоры с Милюковым, долго говорил с Крупенским, а затем с некоторыми из членов правых фракций Государственной думы» [22]. В этот период А.А. Бобринский выступал сторонником общения Думы и Государственного совета [2, л. 65] и стремился провести кандидатуру С.Е. Крыжановского в министры внутренних дел и председатели Совета министров, что, по мнению лидера правых в верхней палате, могло сблизить эту группу с Прогрессивным блоком.

Прогрессисты немедленно ухватились за высказывания графа А.А. Бобринского, чтобы прокомментировать открытое письмо члена правой группы князя А. Лобанова-Ростовского к А.А. Бобринскому. «Утро России» передавало высказывание Лобанова-Ростовского, с недоумением отмечавшего высказывания А.А. Бобринского об образовании ответственного министерства, когда «даже кадетская фракция была против образования ответственного министерства». Прогрессистский рупор не без сарказма замечал: «П.Н. Милюков! Это уже в ваш огород!» [21]. Вообще специфическая манера А.А. Бобринского общаться со своими политическими оппонентами была и ранее хорошо известна. Например, П.П. Менделеев писал о Бобринском: «Ближе узнал уже как товарища внутренних дел и министра земледелия. Тут он оказался совсем не на месте. Легковесность всех его выступлений, поверхностное, недостаточно

серьезное отношение к обсуждавшимся важным, животрепещущим вопросам меня прямо поражало» [23, л. 91].

Наметился и распад группы правого центра, насчитывавшей 20 членов, так как часть членов не устраивало название группы и даже само слово «правый».

В этой связи вызывает особый интерес письмо А.С. Струкова от 23 августа 1915 года к И.Л. Горемыкину по поручению постоянного Совета объединенных дворянских обществ, заседания которого состоялись 20 и 22 августа 1915 года [24, л. 27]. На заседаниях присутствовали А.П. Струков, А.А. Нарышкин, А.И. Мосолов, А.А. Бобринский, В.И. Карпов, И.Н. Ладыженский, М.И. Миклашевский, А.Н. Наумов, А.Б. Нейдгарт, С.А. Панчулидзе, Н.А. Ребиндер, Х.Н. Сергеев, С.М. Сомов [25, л. 16]. По сути своей это было заседание, в котором преобладали бывшие сотоварищи по правой группе Государственного совета: А.П. Струков (правый), А.А. Нарышкин (правый), А.И. Мосолов (правый), М.И. Миклашевский (правый), А.А. Бобринский (правый), В.И. Карпов (правый центр – бывший правый), А.Н. Наумов (внепартийный – бывший правый), А.Б. Нейдгарт (правый центр), Н.А. Ребиндер (правый центр). Так как письмо Струкова было написано по поручению Совета, который отражал мнение правой части верхней палаты, то вызывает пристальное внимание то, что это письмо поддерживали, с одной стороны, поборник «ответственного министерства» А.А. Бобринский, новый лидер правых, а с другой – такие люди, как В.И. Карпов и А.Н. Наумов, явно «полевевшие» к окончанию летней сессии 1915 года. Карпов заявил о своем фактическом разрыве с правыми, а Наумов, хотя и остался на умеренно-правых позициях, покинул правую группу именно из-за назначения А.А. Бобринского ее председателем [9, с. 299].

В письме А.П. Струкова выражалась озабоченность в связи с тем, что «появляющиеся в стране, в тылу нашей доблестной армии, стремления некоторой части общества пользоваться тяжелым временем войны для достижения излюбленных левыми течениями политических целей представляют собой явную опасность для спокойствия страны, столь необходимого для отражения нашествия» [25, л. 16]. Это явный намек на складывавшийся Прогрессивный блок и преобладание в нем течений, ведущих рабо-

ту с целью изменения государственного строя России. В этом письме выражено мнение правой группы Государственного совета, так как на заседании постоянного Совета объединенного дворянства присутствовали как члены правой группы, назначенные в Государственный совет, так и избранные от дворянских обществ. Неопределенность позиции А.А. Бобринского в том, что он поддержал фактически письмо А.С. Струкова и в то же время пытался контактировать с левым крылом Прогрессивного блока в Думе. Это говорит о том, что правые действительно переживали жесточайший кризис в вопросе отношения к Прогрессивному блоку.

Другой вопрос, насколько правые хорошо ориентировались в сложившейся политической ситуации, так как И.Л. Горемыкин вообще-то правым деятелем в полной мере не был: «Как-то раз премьер сказал мне: „Странное дело, когда я был министром внутренних дел, мне создали репутацию чуть ли не „красного“, и особенно старался в этом „либеральный“ Витте. В 1906 году меня считали ультрареакционером. Между прочим, я не был ни тем, ни другим. Я попросту всегда стоял на почве закона”» [26, с. 271]. Сходные мнения высказывались и о других лидерах правых. Например, о Щегловитове: «В Училище правоведения, которое он окончил с золотой медалью, он позировал либералом, пользовался репутацией „красного“ и по окончании курса принимал участие в передовом журнале „Правда“, значился в списках „Милюковского министерства“, предложенно Д.Ф. Треповым в 1905 году» [Там же. С. 288].

Мнение о том, что руку к созданию Прогрессивного блока, пусть и косвенно, приложили И.Л. Горемыкин и правительство, встречается у В.М. Шевырина, который пишет: «Что касается Прогрессивного блока, то Милюков, его архитектор, и его сподвижники считали это объединение „спасительным поясом монархии“. Не случаен умеренный состав Прогрессивного блока, в который вошли деятели законодательных палат. В Совете министров считалось, что появление блока было вызвано „опасениями за будущее, социальной революцией“. Министры принимали 5/6 его программы, с ним у них не было непримиримых разногласий. Госдуме и Госсовет подтолкнуло к созданию блока признание Горемыкина, что у Совета министров нет ни власти, ни автори-

тета, и то, что он попросил у них поддержки. И они „соединились в конкретную организацию, чтобы дать устой для власти, которая сама говорила, что она безвластна”» [27, с. 103].

В.М. Шевырин игнорирует тот факт, что целью кадетов было обрушить всю «третьеиюньскую систему» во главе с октябристами, поэтому и октябристов втянули в Прогрессивный блок. Блок был рожден в момент патриотической тревоги, и говорить, что к его созданию приложил руку Горемыкин, даже косвенно, не приходится. Оценка дворянскими обществами блока дана некорректно, это выдернутая из контекста 1916 года цитата, и в момент зарождения блока дворянские общества так не считали, что видно из письма А.С. Струкова. Никаких данных о том, что блок хоть как-то был связан с властью в момент зарождения нет, как нет данных о его связи с И.Л. Горемыкиным и дворянскими обществами. Да и сам Горемыкин неоднократно публично высказывался против Прогрессивного блока: «Его плохо скрываема цель – ограничение царской власти» [28, с. 245–247, 252–253].

Другим подтверждением полной неспособности правых контролировать ситуацию является записка к считавшемуся стойким правым министром С.В. Рухлову с требованием взятия твердого направления в борьбе с оппозицией в стране. Автор записки, поданной 30 августа 1915 года, прямо обвинял руководителей блока в действиях против ст. 10 Основных государственных законов, в которых он видел требование сохранения деятельности Думы и образования министерства, «пользующегося доверием страны». Указывалось на то, что правительство не проявляет твердости, причем отмечалось, что «всякий шаг, всякая уступка будут способствовать дальнейшим шагам и уступкам, создавая затруднения для поворота назад» [29, л. 3 а]. В записке давались те же рецепты исправления ситуации, что и в заявлении А.А. Хвостова на заседании правительства 21 августа 1915 года: «Политика уступок нигде в мире не приводила к хорошему, а всегда влекла страну по наклонной плоскости» [30, с. 97]. В записке предлагалось проявить сильную власть, ограничить Думу только рамками законотворческой работы, установить надзор за печатью. Предложения были не новы, но политические пристрастия причастных к ним министров оказались

различными. После своей отставки А.А. Хвостов пересел в правую группу Государственного совета, а С.В. Рухлов – в правый центр, что еще раз показывает неспособность даже политических единомышленников среди правых к конструктивным действиям в группах Государственного совета.

Таким образом, руководство Прогрессивного блока в обстановке неопределенности ожидало разрешения кризиса в выгодном для него русле, т. е. в виде «создания „министерства доверия”». Казалось, что власть охвачена хаосом. В Совете министров 2 сентября 1915 года рассматривался вопрос об эвакуации Киева, а министр внутренних дел Н.Б. Щербатов рисовал безотрадную картину хаоса на железных дорогах и начала забастовок. Щербатов говорил даже о возможности нового Выборга в Москве. Его поддерживал С.Д. Сазонов, угрожавший рабочими волнениями в случае роспуска законодательных палат и московских совещаний представителей общественных организаций [Там же. С. 136]. Один председатель Совета министров И.Л. Горемыкин оставался спокоен среди представителей власти и в соответствии с данными ему Николаем II поручениями намеревался распустить Государственную думу и Государственный совет 3 сентября 1915 года. Эту черту своего характера Горемыкин демонстрировал и раньше: «Надо отметить, что престарелый премьер вообще обладал олимпийским спокойствием, не покидавшим его в самые критические дни его долгой карьеры» [26, с. 272].

Казалось бы, перед нами раскол и кризис всех правых политических сил, который понимается всеми сторонами в законодательных палатах. Однако в реальности значительная часть правых депутатов не оценила важности момента и «дезертировала» из Петрограда: «После одобрения Государственным советом закона об особых совещаниях и их образовании (3 сентября) сессии Совета и Думы были закрыты с указанием, что палаты будут созваны вновь не позже ноября. Эта сессия, с 19 июля по 3 сентября, была вначале крайне тяжела вследствие стоявшей в городе жары. Кроме того, она была крайне неудобна для большинства членов обеих палат, так как была созвана неожиданно и в необычное время. Я уже говорил, что не предполагал, чтобы она могла быть продолжительной, поэтому мы переехали в город без прислуги;

но когда выяснилось, что сессия затягивается, пришлось выписать с дачи кухарку. Не теряя надежды еще вернуться на дачу, мы там оставили госпожу Аустин с горничной.

Заседаний в Совете было немного; проводить свободное время в душном городе было крайне противно, потому мы при малейшей возможности выезжали за город: два раза к себе на дачу (на четыре и пять дней) и три раза в Куоккалу к Игнатьевым, у которых мы провели шесть дней. Все же эта жизнь в городе была крайне тосклива и хотелось пожить еще на воздухе; возвращаться на дачу в сентябре уже не стоило» [31, с. 400–401]. А.Ф. Редигер, состоявший в правой группе Государственного совета, в своих мемуарах полностью игнорирует Прогрессивный блок и его создание, как и реакцию правых на его возникновение.

Этот момент фактического поражения Прогрессивного блока не уловили даже правые члены законодательных палат. Рупор правых — «Земщина» сокрушалась по поводу бездеятельности правительства, которое не преследует членов Государственного совета по назначению, вступивших в Прогрессивный блок [32]. В правых группах верхней палаты ситуация продолжала оставаться сложной. На состоявшемся 2 сентября 1915 года в Государственном совете собрании членов правой группы совместно с представителями группы правого центра была предпринята попытка склонить группу правого центра к подписанию ответной декларации правых на декларацию Прогрессивного блока. Правый центр, руководимый А.Б. Нейдгартом, отказался дать свои подписи и присоединиться к планируемой правыми обеих законодательных палат демонстрации [29, л. 4]. В доверше-

ние всех неприятностей правых происходило уменьшение численного состава правой группы в Государственном совете, с ним в дальнейшем пришлось бороться правительству. Кроме того, наблюдались сокращение реальной численности правых депутатов в Петрограде к осени 1915 года и падение у них интереса к политике, как, впрочем, во время любого перерыва в сессиях законодательных палат. Сродни замечанию А.Ф. Редигера о таком же состоянии правой группы в 1914 году: «Лидер правой группы П.Н. Дурново 14 октября пригласил к себе на квартиру наличных членов нашей группы для обсуждения воззвания великого князя к полякам. Собралось человек пятнадцать. Единодушно пришли к заключению, что объединение Польши, хотя бы и под главенством России, для последней невыгодно и что желательно воздерживаться от дачи дальнейших обещаний» [31, с. 379]. Только спасительный для правых роспуск законодательных палат 3 сентября 1915 года на время прервал их агонию.

В то время как земской и городской союзы все еще обсуждали на своем заседании в конце сентября 1915 года «черный блок», куда якобы вошли правые крылья обеих законодательных палат, правые пребывали в организационном и идейном хаосе. Можно с уверенностью констатировать, что правая группа Государственного совета летом и осенью 1915 года переживала кризис, не сопоставимый ни с каким кризисом в ее истории. Притом это был не только кризис численного состава группы (трудно представить серьезный «черный блок» из 15–20 членов), но и кризис самосознания правых, из которого они так и не вышли до Февральской революции 1917 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7.
2. Там же. 1915 г. Д. 2.
3. Речь. — 1915. — 19 августа.
4. Васильчиков, Б.А. Об охоте и не только о ней... [Текст] / Б.А. Васильчиков // Наше наследие. — 2002. — № 63–64. — С. 104–127.
5. Марков, Н.Е. Война темных сил [Текст] / Н.Е. Марков. — Кн. 1. — Париж, 1928.
6. Красный архив. — 1926. — Т. 15 (2).
7. РГИА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 148.
8. Поливанов, А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 [Текст] / А.А. Поливанов. — Т. 1. — М.: Высш. воен. ред. сов., 1924. — 240 с.
9. Наумов, А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917 [Текст] / А.Н. Наумов. — Т. 2. — Нью-Йорк: Наумова и Кусевицкая, 1955. — 583 с.
10. Коковцов, В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 [Текст] / В.Н. Коковцов. — Т. 2. — М.: Наука, 1992. — 457 с.

11. РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 428.
12. **Иванов, А.А.** Последние защитники монархии: фракция правых в IV Государственной думе в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) [Текст] / А.А. Иванов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 208 с.
13. **Forty years of diplomacy by Baron Rosen** [Text]. – London: Georg Allen & Unwin Ltd. Ruskin house, 40 museum street, w.c.i. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1922. – 315 с.
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1031.
15. **Шидловский, С.И.** Воспоминания [Текст] / С.И. Шидловский. – Берлин: Отто Кирхнер и К°, 1923. – 221 с.
16. **Ознобишин, А.А.** Воспоминания члена IV Государственной думы [Текст] / А.А. Ознобишин. – Париж, 1927. – 263 с.
17. **Новое время.** – 1915. – 22 августа.
18. **Утро России.** – 1915. – 25 августа.
19. РГИА. Ф. 961. Оп. 1. Д. 28.
20. **Русское слово.** – 1915. – 27 августа.
21. **Утро России.** – 1915. – 29 августа.
22. **Новое время.** – 1915. – 29 августа.
23. **Менделеев, П.П.** Воспоминания. 1863–1933 // ГАРФ. Ф. 5791. Оп. 1. Д. 111.
24. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 220.
25. РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 101.
26. **Ключевые** фигуры российской политики в канун войны и революции. Из воспоминаний Е.Н. Шелькинга [Текст] // Во власти хаоса. Современники о войнах и революции. 1914–1920 / авт.-сост. Л.М. Аринштейн. – М.: Грифон, 2007. – 432 с.
27. **Шевырин, В.М.** Власть и общественные организации в России (1914–1917) [Текст]: аналит. обзор / В.М. Шевырин; РАН, ИНИОН, Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и заруб. ист. – М., 2003. – 152 с.
28. **Совет** министров Российской империи в годы Первой мировой войны: бумаги А.Н. Яхонтова (записки заседаний и переписка) [Текст]. – СПб., 1999. – 599 с.
29. РГИА. Ф. 1576. Оп. 1. Д. 235.
30. **Яхонтов, А.Н.** Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) [Текст] / А.Н. Яхонтов // Архив рус. рев. – Т. 18. – М.: Тера : Политиздат, 1993. – С. 5–136. [Репринт. изд.]
31. **Редигер, А.Ф.** История моей жизни. Воспоминания военного министра [Текст]. В 2 т. Т. 2 / А.Ф. Редигер. – М.: Канон-пресс : Кучково поле, 1999. – 528 с.
32. **Земщина.** – 1915. – 31 августа.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МИЧУРИН Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 552-96-91 (кафедра)
michurinspb@mail.ru

MISCHURIN Alexey N. – St. Petersburg State Polytechnical University.

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
michurinspb@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013